

Светлана Семенова

Старая Уфа

Часть первая

Светлана Семенова

Старая Уфа. Часть первая

«Издательские решения»

Семенова С.

Старая Уфа. Часть первая / С. Семенова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693507-5

В книге собраны опубликованные и неопубликованные очерки о застройке, людях и повседневной жизни Старой Уфы в XVI—XX вв.

ISBN 978-5-00-693507-5

© Семенова С.
© Издательские решения

Содержание

О ЗАСТРОЙКЕ УФЫ В XIX ВЕКЕ	6
ЗАБЫТЫЙ АДРЕС ГУБЕРНАТОРА	13
О РЕПУТАЦИИ УФИМЦЕВ 1860-х	16
О СТИЛЕ ЖИЗНИ УФИМЦЕВ	18
«РОМАНТИЗМ» И «ИСТОРИЗМ» В УФЕ	20
ЭКЛЕКТИКА С ПРОБЛЕМАМИ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Старая Уфа Часть первая

Светлана Семенова

© Светлана Семенова, 2026

ISBN 978-5-0069-3507-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-3506-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О ЗАСТРОЙКЕ УФЫ В XIX ВЕКЕ

По статьям 1864 года краеведа Михаила Сомова.

В 2007 году уфимцы смогли прочитать все статьи от 1864 года преподавателя Уфимского уездного училища Михаила Митрофановича Сомова. Это произошло благодаря современным уфимским историкам И. М. Гвоздиковой и М. И. Роднову. Они их извлекли из московского архива. До этого можно было изучать только отрывки, которые хранятся в архиве при Академии наук в Уфе.

Эти статьи Сомова представляют собой исторические очерки о нашем городе, которые в 1864 году он опубликовал в местной газете «Оренбургские губернские ведомости».

На мой взгляд, в сомовских описаниях есть заявления, которые у современных краеведов должны вызвать вопросы. К примеру, в Уфе 1860-х Сомов насчитал только два каменных моста и четыре земляные дамбы. Легко ли было учителю Сомову отличить мост от дамбы? Если у дамбы есть каменное укрепление и каменная труба для пропуска воды, то дамба очень похожа на мост.

Сомов указал, что в 1820-х годах жители любили отдыхать на зеленой поляне, отведенной для строительства Верхне-Торговой площади (ул. Ленина, Октябрьской Революции). По данным царского губернского правления, там в те годы было «болотистое место». Так когда же эту территорию осушили?

К сожалению, Сомов не внёс ясности и в историю возникновения и расположения всех храмов. Известно, в Уфе их ставили на холмах, на краю оврагов, на древних дорогах и др.

Так, по Сомову, деревянная часовня в честь Святого Георгия Победоносца в течение ста лет имела большое значение для верующих. К ней совершался Крестный ход во время бедствий. Сомов сообщил, что она находилась на «проселочной дороге», но не указал местоположение. Известно по другим источникам, что эта часовня стояла на погосте для нищих и бродяг, где сегодня квартал: ул. Социалистическая, ул. Достоевского, Ленина, Кирова.

Сомов даже не упомянул, что у древних выездов из города стояли придорожные часовни. Правда, одну из них упоминает как Никольскую, но не говорит, что она была деревянной. После 1860-х гг. на ее месте была возведена каменная часовня Никольская в стиле «эkleктика», судя по фото (не сохр., ул. Пушкина).

Сомов эту деревянную часовню Никольскую видел, но ничего не сказал об ее архитектуре. Почему? Потому, как я думаю, она ему не нравилась, так как, скорее всего, была построена в стиле «деревянный классицизм» (смотрите ниже очерк «Деревянный классицизм»). Почему я так думаю? Объяснила в следующих очерках.

Шарм в кривизне.

Как выглядели постройки в Уфе 1860-х? Мы точно не знаем. К сожалению, и М. М. Сомов ничего не прояснил, а ведь сам-то совершал прогулки по Уфе в то время! Немногим зданиям он дал некоторую оценку, но, к сожалению, не описал их фасады и не назвал их архитектурные стили. Но даже по этим оценкам можно догадаться не только об архитектурных вкусах уфимца Сомова, но и о его патриотических убеждениях. Каких?...

Стиль «эkleктика» пришел в Россию в начале XIX в., но появившийся в стране в XVIII в. классицизм продолжал господствовать еще до середины XIX в., а в Уфе – еще дольше. Ведь с опозданием от столицы приходило в провинцию все новое.

Во времена М. Сомова в стране шел поиск новых патриотических идей в зодчестве в рамках эkleктики. Не сомневаюсь, учитель Сомов был знаком с разгоревшейся тогда в стране полемикой об архитектурно-градостроительном облике российских поселений. Она была отраже-

нием философских споров между известными славянофилами и западниками о путях развития России. Так в архитектуре появились две линии развития: «западная» – подражание зарубежной архитектуре (неоклассицизм, необарокко, неоренессанс, неоготика и др.) и «традиционная русская». Последнюю московский историк архитектуры Евгения Ивановна Кириченко назвала **«национальным романтизмом»** (1800-1840-е годы), так как он стремился создать всенародную культуру. Он олицетворял мечту о равенстве всех сословий общества, о социальной миссии искусства как орудия духовного преобразования личности и общества.

Чьи взгляды разделял местный патриот Сомов?

Во-первых, он сдержанно описал классические ансамбли площадей Соборной и Александровской. А именно, о правильных пропорциях фасадов в стиле «классицизм» Дома губернатора (ул. Тукая, 23) на Соборной площади он сказал следующее: «небольшой и по наружности незамечательный», о симметричном силуэте классической церкви Александровской (не сохр., ул. Кирова, Маркса) – «не велика, архитектуры незатейливой». О других классических храмах Сомов сказал следующее: об Успенской церкви (не сохр., ул. Коммунистическая) – «простая», о Соборной мечети – «не отличается особенно ни наружными, ни внутренними украшениями».

Похоже, Сомову больше нравились менее строгие формы эклектики. Так о домах в стиле «неоклассицизм» (одно из течений эклектики) он пишет так: «дома дворянского собрания, единственного здания в городе, замечательного по своей красивой архитектуре».

Скупой на похвалу Сомов выделил с ассиметричным силуэтом Ильинский храм (1840 г., не сохр., ул. Фрунзе): «заслуживает особенного внимания по своему благолепию, чистоте и порядку». Одобрил нарядное убранство Благовещенского (1860-е гг., не сохр., ул. Сочинская): «имеет высокие и красивые окна и украшен пятью главами».

Почему Сомову понравились именно эти два храма, у которых элементы классицизма гармонировали с элементами храмов допетровского времени? Кстати, допетровской была и уфимская пятиглавая Троицкая церковь XVII-го века у Монумена Дружбы. Она снесена в 1956 году. Ее колокольню 1799 года он оценил так: «довольно красива».

Убранство всех одобренных Сомовым домов и храмов отличалось меньшей строгостью, хотя в нем были и правильные элементы классицизма: ордерный декор, шпили, портики и колонны.

Классицизм, распространившийся тогда по миру, стал терять популярность и потому, что воспринимался уже как стиль «интернациональный», «нейтральный». Для культовых сооружений он стал нежелательным и потому, что напоминал многим патриотам и христианам языческие храмы Древней Греции и Рима, в архитектуре которых, согласитесь, слишком много прямых линий. Похоже, в 1864 году патриот и православный уфимец Сомов соглашался с ними.

К какому из выше перечисленных стилевых направлений, течений, можно отнести названные Ильинский, Благовещенский и другие храмы, одобренные Сомовым? На этот вопрос вы найдете ответ в очерке «„Романтизм“ и „историзм“ в Уфе».

«Город – живой пейзаж» (Н. В. Гоголь)

Утверждаю, что в 1860-х гг. в Уфе, культурном и учебном центре края, жили представители противоборствующих сил, которые спорили: городу к лицу прямые линии классицизма или кривые линии Средневековья. Кто эти люди?...

В Уфе первые общественные и торговые здания в «русском» стиле построили купцы. Так купец Видинеев соорудил деревянный Летний театр (1894 г., ул. Пушкина, не сохр.). Пожелали украсить фасады кирпичных строений декором в этом стиле купеческое общество (1897 г., Ленина, 7), свой дом купец Берштейн (реконструирован в 1990-х, Верхне-Торговая пл., 42) и свой дом купец Ногарев (Ленина, 10).

В Уфе была разночинная интеллигенция. Кто в 1860-70-х годах давал первые уроки живописи купеческим детям и гимназистам Михаилу Нестерову, Илье Бондаренко? Почему эти ученики превратились в выдающихся ревнителей древнерусского искусства и зодчества? Понятно, местные учителя, художники, были их первыми учителями живописи.

К западникам или славянофилам примыкали самые причастные к градостроительному делу местные архитекторы 1860-х гг.: Домбровские, Македонский, Алексеев, Иванов, Шестаков, Гросс и другие? Впрочем, все они были государственными чиновниками и приезжими, да и служили в Уфе не долго.

С 1861 по 1867 гг. официальный надзор за архитектурой Уфы вел потомок местных дворян губернатор Григорий Сергеевич Аксаков – член известной семьи славянофилов, которая находилась в самом эпицентре названной полемики за судьбу культуры России.

Губернатору Г. С. Аксакову пришлось потратить немало сил, чтобы в Уфе завершить строительство Соборной площади, которое его предшественники превратили в долгострой. Ее архитектурный ансамбль был решен в формах классицизма, то есть стиля, к которому в годы губернаторства Аксакова передовые силы общественности уже потеряли интерес. Неужели губернатор Аксаков ничего не сделал, чтобы помочь проникнуть столь актуальному тогда «русскому» стилю в застройку малой родины его знаменитой семьи?

Конечно, эту задачу легче было решить через культовое зодчество, но тогда церковный совет имел право и не советоваться с губернатором при выборе архитектурного проекта нового храма. Как видим, при Аксакове обогатился силуэт Уфы церквями в духе «национального романтизма» – Благовещенская (ул. Сочинская) и Сергиевская (1868, ул. Менделеева). Кстати, «эксперт» Михаил Сомов архитектуру Благовещенской одобрил. А о Сергиевской сказал: «маленькая деревянная церковь Св. Сергия Радонежского, после Троицкой, самая древняя в городе и беднейшая из приходских». Поясню, на месте Сергиевской церкви с XVI века стояла церковь, сгорела, в XVIII веке построили другую (изображений нет), и на ее месте в 1868 году была построена новая, где объединены элементы классицизма и «русского» стиля. Сомов называет древней не ее, а ту, что стояла раньше, ведь он писал свои мемуары в 1864 году.

Сомов высоко оценил первый городской театр, который благодаря и жене Аксакова, Софье, появился на свет в 1861 году. Увы, он сгорел давно, и нам неизвестны его изображения. Поэтому остается надежда, что в список построек «аксаковского» стиля можно добавить и этот театр...

Может быть, вклад губернатора Г. Аксакова в дело распространения «национального романтизма» выразился в его старании сохранить ещё и средневековое градостроительство Уфы? Ведь известно, губернатор Аксаков должен был следить за строительством города согласно утверждённому царем генплану Уфы от 1819 года. Сомов написал о древних улицах, что в 1864 году «...исправление их идёт чрезвычайно медленно... прочие же до сих пор находятся в **первобытном** положении». Значит, Аксаков не торопил жителей следовать этому генплану 1819 года: выпрямлять древние кривые улицы, выравнивать берега Сутолоки. Неужели Аксаков умышленно закрывал глаза на неисполнение воли Самого государя?!

В связи с этим нужно подчеркнуть, что Соборная площадь и другие казенные здания, которые достраивались под началом губернатора Аксакова, были лицом Уфы. Стало быть, САМ КЛАССИЦИЗМ определял лицо Уфы. В то же время, ЕГО окружали традиционные дома и ворота с деревянными кружевами. Разве они не были эталонами самого подлинного «национального романтизма»?! Его «первобытные» образцы, расставленные на кривых улочках с оврагами, находились у всех перед глазами. От того патристично настроенным архитекторам не нужно было тратить время на поиск образцов старого зодчества в глухих деревнях. Как заметила московский искусствовед Е. Кириченко, первая стадия эклектики «романтизм» (1800—1850 гг.) дала «жизнь уникальному в мировом зодчестве социально-историческому и культурному феномену – деревянной застройке русских городов второй половины XIX – начала XX вв.

В нем слились в нерасторжимом единстве черты народного крестьянского зодчества и одного из направлений профессиональной стилиевой архитектуры – фольклорной разновидности русского „стиля“, опирающейся на традиции народного зодчества».

Кириченко подчеркнула, что Н. В. Гоголь уже в 1830-х годах «возмущался однообразием и скукой классицистического города». Он говорил: «подобно тому, как в реальном пейзаже сосуществуют на равных началах деревья разных пород, разной величины и формы, цветы и травы, так и в едином пространстве города, должны соседствовать сооружения, спроектированные путем использования форм разных стилей... Город – живой пейзаж».

Известно, пейзажное – это неправильное, ассиметричное, живописное, многообъемное, разнообразное, контрастное. Оно может быть в планировке улиц, а также в расстановке зданий на площадях, на территории усадьбы или парка. Пейзажное противопоставлено правильному и симметричному, что является главным в регулярном градостроительстве классицизма. Пейзажный принцип планировки населенных мест родился в средние века и возродился во времена эклектики.

Брат губернатора Григория Аксакова, известный славянофил Иван Аксаков, тоже много писал о «неестественном» пути развития многих городов России и об его опасности для культуры.

В 2004 г. в сборнике очерков «Как строилась и жила губернская Уфа» я также пыталась рассказать о нелюбви уфимцев XIX века к прямым линиям улиц и площадей, об их критическом отношении к классическому плану 1819 г. Он не соответствовал их эстетическим вкусам и строительным традициям.

Я находила неопровержимые доказательства в архивных документах 1860-х годов. Так на заседаниях губернского правления, где был и губернатор Аксаков, произносились речи, в которых отчетливо звучало недовольство уфимцев правительственным генпланом Уфы от 1819 г. с прямыми линиями кварталов. Аксаков их слушал, не возражал, а также критику не запрещал...

Подобное недовольство я обнаружила и в очерках равнодушного краеведа 1860-х М. Сомова. Было бы странно, если эту проблему он оставил без внимания. Ведь сам наблюдал процесс выпрямления **кривых** улиц по генплану 1819 г. Мне показалось, что в следующих его словах присутствует ирония к данной градостроительной политике, проводимой монархом: «Казанская, которая хотя особенно и не отличается от прочих улиц ни красивыми и большими зданиями, ни шириною или **прямизною** своего направления, но, не смотря на то, её предпочитают другим улицам».

Мемуаристы разных лет отмечали шарм улицы Казанской (Октябрьской революции), о которой пишет Сомов. Здесь было престижное место для строительства и любимое для проведения досуга, катания на санях. В результате столько развелось лавок и винных погребков, что власти запретили возведение новых.

Казанскую все же в XIX веке в некоторых местах подровняли на манер «классицизма». Там, где проглядывала «немодная» нерегулярность – овраги, будто ширмой закрыли высокими заборами с воротами. Без сомнения, с этой же целью выбрали растянутый по красной линии улицы фасад с длинными боковыми колоннадами для Спасской церкви (1840-е гг.). Пренебрегли даже традицию: алтарь обращен не на восток, как принято, а на север. Более серьезным и опасным было то, что храму постоянно угрожал оползень, так как алтарь почти нависал над глубоким оврагом.

Как относился Сомов к глухим заборам на улицах? Он похвалил ажурные металлические решетки перед Александровской церковью, гимназией и Соборным парком. Этим как будто призывал народ избавляться от глухих заборов. По-моему, он очень сожалел, что закрывали вид и на овраги. Думаю, ему нравилось, когда были видны овраги сквозь прозрачную решетку, поставленную за счет казны на Казанской, а именно: «Улицу эту прежде несколько

украшала чугунная решётка, отчасти отделявшая её от соседнего оврага; но в настоящее время она сламывается и место застраивается по большей части не очень красивыми домиками». Похоже, этим Сомов хотел сказать, что постройки становятся уродливыми, если уничтожают живую природу...

Считаю, что, несмотря на все преобразования в духе классицизма, в XIX веке так и не удалось скрыть природное начало – любимую Гоголем «пейзажность» – на древней Казанской улице. Увы! Это сделали в XXI веке.

На Казанской в 1820—1890-х годах появлялись небольшие дома – деревянные, полудеревянные, каменные; многие украшались мезонинами, крылечками, резьбой, узоры которой менялись. Например, в 1858 г. царь отменил обязательное строительство по образцовым проектам в стиле «классицизм». Тогда стали на фасады прибавлять узоры на мотивы стилей барокко, позднего классицизма, а начиная с 1870 года – народного зодчества (смотрите ниже очерк «Казанская улица Уфы: рецепты красоты и порядка»).

Был ли «манифест» к губернатору Аксакову от краеведа Сомова?

Уфимский краевед Михаил Сомов наблюдал, как в XIX веке в нашем городе соединились древняя «пейзажная» (дорегулярная) планировка улиц с классической (регулярной). Последняя, поддерживаемая правительством, имела больше преимуществ для захвата всей территории Уфы. Похоже, что свою обеспокоенность по этому поводу Сомов выразил в следующей фразе: *«Уфа уступает многим губернским и даже некоторым уездным городам в красоте и устройстве улиц и домов, но зато она имеет большое преимущество перед многими из них в живописности местоположения, которым по справедливости может гордиться»*. Данные слова написаны в 1864 г. – это третий год правления губернатора Григория Аксакова, впереди – еще три.

В этих словах Сомова я позволю себе искать скрытый смысл, точнее, следующий призыв к губернатору Аксакову: быстрее расстаться с классицизмом и предпочтение отдать «национальному романтизму», а не чужим западным стилям, а также надо не выравнять **кривые** средневековые улицы и сохранять овраги!!!

Мог ли губернатор Аксаков не читать единственную местную газету «Оренбургские губернские ведомости»? Мог ли не заметить там очерки Сомова?

О ревнителе древнего зодчества Бондаренко.

Философам не дает покоя вопрос: почему именно город Уфа, отдаленный от центра России, дал видных славянофилов Аксаковых, певца русской природы М. Нестерова? Ставил подобный вопрос и академик архитектуры А. К. Виноградов, изучавший биографию нашего земляка зодчего Ильи Бондаренко.

Уфимский писатель Михаил Чванов, размышляя, делает следующий вывод: здесь долго сохранялся патриархальный уклад жизни российского народа, его материальная культура.

Историки говорят, что облик Уфы веками формировали *извилистые* межовражные улочки с деревянными резными воротами и домиками в окружении садов и палисадников, а также миниатюрные церквушки с маковками и луковками. Здесь, как мы уже убедились, жители продолжали украшать дома деревянным кружевом, критиковали прямые линии непонятного им классицизма и приветствовали появление «национального романтизма» – архитектурных стилей, где отразилась самобытность отечественной культуры.

Уфимцы XIX-го века читали единственную тогда местную газету «Оренбургские губернские ведомости», очерки одного из ее авторов Михаила Сомова. Понятно, обсуждали, спорили.

В такой обстановке провели детство живописец М. В. Нестеров (1862—1942 гг.), архитектор Илья Евграфович Бондаренко. Он здесь родился в 1870 г., получил первые уроки рисования. В 1887 г. после окончания Уфимской гимназии для продолжения художественного образования поехал в Москву.

В эту пору московское пространство стремительно захватывала западноевропейская культура строительства: «неоренессанс», «неоготика» и другие нео-, а храмы – «византийский» стиль. В стране эти заграничные стили любили не меньше «русских».

В Уфе в 1880-е годы среди господствующего классицизма эклектика пробивалась и в кирпичном орнаменте, и в деревянном кружеве. Закономерно, что, оказавшись в московских кварталах с архитектурой, отличной от уфимской, романтик из провинции Илья Бондаренко загорелся желанием влиться в ряды именно той части творческой интеллигенции, которая работала над развитием «неорусского» стиля – это одно из течений эклектики по линиям «традиционной русской».

«Неорусскую» архитектуру часто выбирала негосударственная конфессия Старообрядческая. Почему ее уфимская община не сделала ни одного проектного заказа своему земляку Бондаренко? Ведь именно ему принадлежит право называться революционером в области старообрядческого храмостроения. Бондаренко его обновил конструктивными формами и декором, заимствованными у строителей допетровского времени, то есть мастер остался верен средневековым идеалам, где не было места строгим прямым линиям.

Сегодня имя И. Бондаренко широко известно историкам. Он жил и работал в Москве, но предпочел переждать смутные годы революции в отчем доме в Уфе. 47-летний мастер, привыкший к общественной работе, на своей малой родине успел сделать немало. Известно, в 1919-м он стал организатором Художественного музея имени М. Нестерова, занимая должность директора. Его назначение в 1919 г. было неслучайным. Главным инициатором создания этого музея был сам Нестеров, который жил в это время в столице. Для него кандидатура его друга и однокашника по Московскому училищу живописи Ильи Бондаренко – подходящая во всех отношениях. В Москве Илья Евграфович приобрел опыт научно-исследовательской работы, организации исторических выставок.

Вернувшись после Гражданской войны из Уфы в Москву, мастер Бондаренко много строил, умер в 1949 г. В разных городах страны стоят его дореволюционные творения – храмы в «неорусском» стиле. Возникает закономерный вопрос: ревнитель древнерусского зодчества Бондаренко построил ли что-нибудь в Уфе? Искусствовед Тамара Леонидова в 2004 г. поведала на страницах журнала «Бельские просторы», что он проектировал интерьеры для Аксаковского народного дома (театр оперы и балета) в Уфе.

Что можно сказать о загородной даче Костериных? Этот деревянный дом еще называют «петушком» около южного автовокзала. Между краеведами ходит слух, что его спроектировал Бондаренко. Могу легко поверить. Ведь постройка вроде бы похожа на древний терем с башней и флюгером-петушком, но его стены и окна слишком вытянуты, размеры декора увеличены, что похоже и на творческий метод нашего земляка Бондаренко. Этот стиль называют «ропетовским».

Не сомневаюсь, архитектор Илья Бондаренко, поклонник старины, радовался, что Старая Уфа состояла из деревянных домов и **кривых** улочек. По Сомову, они были **«первобытными»**, а, по Гоголю, – **«живым пейзажем»**.

Огнеопасный театр.

Сегодня краеведы охотнее изучают служебную переписку, начиная с 1870 гг., так как многие тексты встречаются уже в печатном виде. Понятно, что никому не хочется возиться с более древними рукописными книгами. Да все ли в них фиксировалось? Например, сколько

раз горел в Уфе муниципальный зимний театр (квартал: ул. Тукая, Цюрупы, Матросова, здание не сохр.)?

Первое театральное здание на 400 мест здесь стояло в 1861-1867-х гг., о внешнем облике ничего неизвестно. Очевидец краевед Сомов назвал его красивым. Раз он не считал красивыми уфимские здания в стиле «классицизм», а хвалил – только в стиле «эkleктика», то, скорее всего, и этот театр был эkleктичным.

В 1867 году театр сгорел, и в 1876 году возвели на этом месте новый на 800 зрителей по проекту архитектора Карвовского. По просьбе семьи губернатора «нувориш» из Уфы И. Ф. Базилевский внес половину суммы на строительство, поэтому театр называли иногда «базилевским». Известно, что вся оценочная стоимость театра составляла около 24 тыс. рублей. Сюда входили и 250 руб., которые заплатили художнику из Саратова Гертелю за 6 переменных сценических декораций: богатая и простая комнаты, городская площадь, зал с колоннами, павильоны голубой и малиновый.

В театре нарушались правила пожарной безопасности! Это выяснилось, когда в 1887 г. зданию потребовался ремонт, так как осел фундамент, образовались трещины в обшивке стен, обветшал балкон. Тогда и обнаружили, что на боковом фасаде есть два выхода через сени на улицу Фроловскую (Тукая). Но они никогда не использовались, потому что перед ними стояли печи. Ими же загромождали на нижнем этаже боковые коридоры, предназначенные «для свободного выхода публики». Посему и решили добавить несколько дверей с крыльцами для выхода на ул. Телеграфную (Цюрупы) и Театральную (Матросова). Обратите внимание, что печи, у которых явно не было противопожарной защиты, исправлять не стали.

Известно, что театр горел несколько раз, а дотла – в начале 1890-х гг.

Как выглядели фасады театра до этого пожара? Имеется только один снимок до пожара. На нем видны дощатые стены фасада, но не видны декор, балкон, входные двери с крыльцами, о которых сказано в архивных документах. А именно, записано в 1887 году: главный подъезд к театру находился с ул. Телеграфной (Цюрупы); над входом был устроен балкон, который закрывали для публики зимой. В документах упомянуты галереи с подпорными балками, но их место расположения не указано.

ЗАБЫТЫЙ АДРЕС ГУБЕРНАТОРА

Не только геологи, биологи составляют карты поверхности нашей планеты, но и историки архитектуры. На «архитектурных» картах деление территории на историко-архитектурные зоны не всегда совпадает с административно-географическим. Например, Уфа хоть и относилась всегда к Уралу, но ее старая архитектура ближе к Поволжью. Только ли климат повлиял на это?

Почему-то для украшения уфимских домов деревянной резьбой приглашали артели из Вятки, Симбирска, Ярославля, Владимира. Как я понимаю, сами эти плотники не создавали рисунки узоров, а исполняли по чертежам уфимского архитектора. Поэтому нельзя утверждать, что тип деревянной резьбы был занесен к нам из других губерний. В Уфе сложился свой тип резьбы.

Знатоки говорят в один голос, что редко встречается на Урале тип каменной жилой постройки периода классицизма, какой имеет в Уфе бывший Дом госпожи Жуковской, который в 1859 году купили у нее для губернатора (ул. Тукая, 23). А причина в том, что в уральском регионе было мало дворян. Они-то в основном и заказывали строительство подобных особняков.

В стране в начале XIX в. усадьбы для градоначальников проектировали с размахом, по индивидуальным проектам. Через некоторое время из-за нехватки денежных средств часто меняли эти проекты на более скромные образцовые (типовые), а то и покупали жилые здания у частных лиц. Последнее случилось и в нашем городе. В 1819 г. запроектировали огромную резиденцию губернатора на востоке Соборной площади, но резиденцию так и не возвели. В 1859 г. решили губернатора поселить в соседнем квартале, с видом на Соборную площадь, в долго пустовавший недостроенный каменный дом госпожи Жуковской (ул. Тукая, 23).

Кто был автор проекта? Некоторые краеведы называют то Гопиуса, то Захарова, то кого-то еще. Я поверю, если эти краеведы предоставят подлинные проектные чертежи этого дома, где будет указан автор проекта. А все остальные свидетельства в виде каких-либо записей в документах не являются достоверными. Например, Гопиус, как местный архитектор, мог вести архитектурный надзор по строительству этого дома, но не проектировать. Но установлено, что в 1880-е гг. к дому губернатора по проекту архитектора Мялова пристроили канцелярию, где губернатор принимал посетителей. В архиве имеется подлинный чертеж, где указан автор проекта Мялов.

На одну из небольших частей обстановки апартаментов губернатора выделены были следующие казенные rubli: чугунная лестничная решетка с полированными поручнями и колоннами (с Благовещенских заводов Дашкова весом 33 пуда) – 125 руб. и ее установка – 180 руб.; столярные изделия и обивка мебели – 828 руб.; диван из орехового дерева – 65 руб. и термометр – 8 руб.

Для Дома губернатора постоянно тратились на ремонт дымоходных труб и голландских печей в кабинете, малой и большой гостиной, др. В буфетной комнате и прачечной под чугунные печи положили такую же плиту и листовое железо.

Где же жили начальники края до 1859 года? Безусловно, всегда обитали в городском центре. Известно, что их резиденция, пока она не сгорела в 1800 г., находилась на старой Соборной площади (сегодня Монумент Дружбы).

Надо сказать, что краеведы часто вспоминали другие деревянные «правительственные палаты» в связи с пятидневным визитом в 1824 г. в Уфу победителя Наполеона – императора Александра I, но никто не указывал точного их адреса. Многие обращали внимание и на странную фразу, что богадельня Приказа общественного призрения была «временной квартирой императора».

Даже краевед Сомов указал на какую-то богадельню, к счастью, добавил, что «жиwali губернаторы» в Голубиной слободе напротив уездного училища. Здание последнего сохранилось до наших дней (на юго-восточном углу перекрестка ул. Пушкина и Цюрупы). Серьезным уфаведам этих сведений было недостаточно. Их даже не убеждала и план-схема города 1840 гг., где на северо-восточном углу названного перекрестка, на который указывал Сомов, обозначена богадельня.

Проанализировав другие архивные чертежи, в 2004 г. я решила назвать этот же участок, как место расположения с 1800 по 1859 гг. деревянного дома губернатора в Голубиной слободе. Хотя не исключаю, что дом мог несколько раз гореть, а ее постоялец кочевать по слободе. Там тогда сложился «временный» городской центр, через который проходил почтовый тракт.

Как выглядели фасады деревянного губернаторского дома в Голубиной слободе?

До 1859 г. в губернском правлении не очень-то лестно отзывались о хоромах губернатора. Что не устраивало?

Во-первых, возможно, деревянные покои хозяина края были похожи на дом заместителя наместника Зубова (деда писателя С. Аксакова); построен в конце XVIII века. Самые ранние его изображения относятся к XX веку. Архитектура этого дома в стиле «деревянный классицизм» выглядит скромно. Там сегодня работает дом-музей писателя С. Аксакова (ул. Благова). Когда знатоки архитектуры смотрят на его снимки, сделанные современными нашими фотографами, то замечают террасу, про которую говорят, что в XVIII веке такую не делали, а начали делать только в XIX веке.

Во-вторых, некоторые сведения о фасадах деревянной резиденции губернатора находим у краеведа Михаила Сомова. Он писал в 1864 году, что постройка была длинной, с мезонином и двумя крыльцами, раньше в ней размещалось училище, которое перебралось в 1799 г. в Оренбург. Это то самое учебное заведение, из которого сбежал будущий писатель, маленький Сережа Аксаков, увидев, жестокий метод воспитания.

А что это за мезонин и два выступающих крыльца, о которых пишет Сомов? Скорее всего, у них были крыши с треугольными фронтонами, которые опирались на колонны дорического ордера. А два крыльца – это два портика...

Хотя, если здание изначально строилось как учебное, то не стоит от его наружных фасадов ожидать какой-то уж особой художественной выразительности. А вот его внутренняя планировка с просторными комнатами была вполне удобна для вельможи. Ведь в любом доме, где размещалось училище, был длинный коридор, который соединял классы, кабинет директора, учительскую.

В XIX веке деревянные постройки и учебных зданий покрывали штукатуркой, имитируя под каменные стены, а наличники окон и дверей – под гипсобетонные.

Увы, надежда найти изображение деревянного дома губернатора не велика, хотя еще раз нужно поискать среди чертежей старинных учебных зданий губернии.

Повторю, привередливые уфимцы в конце 1850-х гг. считали, что эта ординарная архитектура деревянной резиденции начальника края не делала чести губернской столице. Их понять можно, ведь в соседних кварталах уже красовался «неоклассицизм» на фасадах Дворянского собрания (Академия искусств, ул. Ленина, 14) и др. Эkleктика в столичных городах уже давно наступала на угасавший классицизм, а в Уфе еще даже не до конца оформился классический ансамбль Соборной площади (ул. Фрунзе, Советская, Маркса). Достроенные в 1860-х на площади пять зданий были монументальными и могли украсить любой город. До наших дней из них дожили только три: семинария (ул. Маркса, 3), присутственные места (ул. Фрунзе, 47), гимназия (ул. Фрунзе, 45). Они, в том числе дом губернатора на ул. Такая, 23, и сегодня не потерялись на фоне шикарных современных фасадов драмтеатра и Дома правительства.

В этом заслуга классицизма с его вечной, нестареющей, красотой: выверенными пропорциями, лаконичными формами, строгой симметрией главного фасада.

Каждый старинный город Европы имел свою главную площадь, которую называли Соборной, потому что там доминировал собор. Почему-то современные уфимские историки бывшей Соборной площади Уфы уделяют мало внимания. Кстати, в Башкирской энциклопедии нет статьи о ней, но есть статья о Верхне-Торговой с Гостиным двором, которая в жизни старого города занимала все же не первую, а вторую роль...

О РЕПУТАЦИИ УФИМЦЕВ 1860-х

«О нравственном направлении жителей Уфы, принимая в расчёт массу населения, нельзя сказать дурного. (...) сравнительно с другими городами, более населёнными и преимущественно фабричными, Уфа стоит в нравственном отношении выше», – написал уфимский краевед М. Сомов в 1864 г.

Сегодня можно проверить данное утверждение, если изучить архивы дел губернского суда и полиции тех лет. Возможно, кто-то когда-нибудь и проделает эту работу.

К известной на сегодня картине о нравственности уфимцев могу добавить, что из тех фактов, которые попались мне в архивах, следует – в Уфе 1860-х были обманщики, разгильдяи и воры. Так титулярный советник Нечаев не стал слушать обещаний своего коллеги Ж., который оказался картежником, поэтому сразу обратился в полицию. Там он пояснил, что по неосторожности поручил письмоводителю господину Ж. получить за него жалование в 40 рублей. К огорчению Нечаева, господин Ж. эти его деньги проиграл в карты (1868 г.). Француз Де Б. обещал в полиции, что уплатит долг, как только получит наследство после смерти тетки, в данный момент проживающей в Париже...

Коллежский регистратор П., являясь опекуном малолетних детей, растрачивал принадлежащее им состояние. Коллежская регистраторша Ч. не заботилась о воспитании дочери, а также не исполняла решение опекунского суда, который предложил определить девочку в Уфимское духовное училище.

В органы правосудия обратился мещанин М. А. Фуке, которому граф М. задолжал 135 рублей. Фуке негодовал:

– На какие это средства «безденежный» граф собирается ехать в отпуск в столицу?!

В это время проездной билет стоил не менее 100 руб.

Чиновница Христ пообещала, если полиция поможет ей вернуть 200 руб., которые ей задолжал писарь Фадеев, то 115 руб. она пожертвует в пользу Ильинской церкви.

Прапорщик Уфимского батальона Жуков во время своего караула допустил побег арестанта из тюрьмы. Младший сигнальщик Ф. Андреев (1868 г.), находившийся в подчинении у начальника телеграфной станции Баранова, покинул свой пост без предупреждения.

Не нанесли удара по репутации уфимцев следующие происшествия. Так в августе 1867 г. в Уфе на улицах и пригородах найдено несколько человеческих трупов. В 1864 г. прямо во время литургии в Троицкой церкви в карман мещанина Федорова залез вор, приехавший из другой губернии. В 1863 г. ночью грабители вытащили ценную утварь из Преображенской церкви, находящейся на Сергиевском кладбище. К сожалению, их поймать не удалось. Будем надеяться, что они были не из наших краев.

Гордостью Уфы в 1860-х гг. были известные личности: губернатор Г. Аксаков окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения; статист и врач Н. Гурвич – Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге; историк Р. Игнатьев – Институт вост. языков, Парижскую консерваторию и др.

В этот список добавлю забытые имена, которые встречаются в архивных документах, им назначали пенсии за выслугу лет: штаб-лекарь надворный советник Воронцов (окончил в 1822 г. Императорскую медико-хирургическую академию наук в Москве), ветеринар Марченко (был на службе 28 лет), надворный советник губернский врач Б. П. Шереметьевский (в 1839 окончил Московский университет, с 1864 г. в Уфе). Власти не забывали и помогали бывшим военным. Так в 1840—50 гг. проходили лечение в губернской больнице сын унтер-офицера А. Агеев и бывший в плену у хивинцев Елисей Власов. Выдали серебряную медаль за покорение Западного Кавказа отставному писарю А. Васильеву, проживающему в Стерли-

тамакском уезде д. Куганак. Получил пенсию отставной подпоручик П. Иванов, участвовал в англо-французской войне 1854—1855 гг.

Частным приставам Сомову и Мистрову выданы орденские знаки Святого Станислава 3-й степени.

Пособия выдавали молодым специалистам, и ссыльным. Выпускник Казанского университета В. Левицкий в 1860 г. устроился на службу. Ему выдали из Казенной палаты за проезд от Казани до Уфы 55 руб. 4,5 коп. Черкес Абылаков выслан из Кавказа на 10 лет. В 1866 г. ему назначено пособие в размере по 5 копеек в сутки и за наем квартиры 1 руб. 20 коп.

О СТИЛЕ ЖИЗНИ УФИМЦЕВ

Известно, коммерсанты играют определенную роль в создании стиля жизни обывателей: моды на одежду, прическу, интерьеров, на проведение досуга. Так в Уфе в 1860-е торговцы, ремесленники и другие мастера сферы обслуживания, службы быта, делали жизнь более комфортной и приятной. В архивах мне встретились некоторые их имена: каретных дел мастер Мейер Адольф (1867 г.), булочных дел мастера иностранец Готский С. (1875 г.) и прусский подданный Я. Фолерод, портной Гительман Исай, музыкант Мартко Кайзин (1868 г.), парикмахер А. Вениаминов (1875 г.), портной Соколов (1867 г.), иконописец Д. П. Сибиряков, фотограф дворянин Нагаткин (1867), торговец галантереей австрийский подданный Червень И. Е., провизоры Эйзенбаум, Г. Штехер, аптекарский ученик Гончаров (1867 г.), содержатели аптек М. А. Башкевич, Боссе, В. Ф. Молтинский (1812 г.) и др.

Если в 1860-е в Уфе не было ни художественного музея, ни картинной галереи, то где тогда уфимцам прививался вкус художественный? Они воспитывались на уроках рисунка в местных учебных заведениях. В церквях была храмовая живопись, о которой много сказано и краеведом Сомовым, а на улицах – архитектура классицизма и несколько новых зданий и храмов в духе разных направлений эклектики. Альбомы и журналы с репродукциями произведений изобразительного искусства можно было найти в городской библиотеке, а также в книжных лавках.

Как влияли торговцы на стиль жизни уфимцев?

По мнению уфимского учителя и краеведа 1860-х годов Михаила Сомова, купцы «почти все не могут похвалиться большим образованием».

За добрые дела, в том числе по благоустройству города, уважали купца, городского голову и почетного гражданина города, И. А. Нестерова (дед выдающегося живописца). Как хороший коммерсант он не мог не знать вкусы земляков. По описи товара, который он предлагал в 1850-х гг., можно судить об их стремлении к нарядной одежде: мужской воротничок, перламутровые запонки, бритвы, кокарды жестяные, дамская манишка вышитая, бархотки, соломенные шляпки, зонтики, брошка серебряная, серьги фольговые; стеклянные, бронзовые, серебряные подвески дутые разной величины; браслеты бронзовые, бусы, височные гребни, расчески, а также игольники бумажные, тамбурные крючки. Покупатели разбирали в лавке Нестерова курительные свечи, наборы ароматические, пачки душистого порошка, детские игрушки: трактир, наездница, девица, играющая на арфе, разносчик, медведь, собака, бедуин и др.

По этой же описи товаров Нестерова можно представить, какой дизайн мог создать в своем кабинете уфимский чиновник: картины из жизни Наполеона, часы настенные, зеркало в раме, чернильницы оловянные с крышками, колокольчики с ручкой медной, стальные перья, маленькие ножницы вызолоченные, чугунный пьедестал, плевательница жестяная, фонари жестяные, сигаретницы, табакерки корковые, чайные ложки польского серебра.

Представить обстановку в жилом доме помогает опись вещей, сделанная для погашения долгов надворной советницы Сухаревой. Она не платила по векселю в 1872 году. Описали на 65 рублей следующее: темноокрашенный липовый письменный стол с клеенкой и двумя ящиками без замков, пресс-папье чугунное, 6 штор шерстяных, 2 шторы спускные кисейные, стул с подушкой из плюша, столовая лампа на чугунном пьедестале. В ее спальне стояли туалет красного дерева с зеркалом и тремя ящиками (5 руб.), кровать красного дерева (25 руб.), липовый комод, окрашенный под ореховое дерево с тремя ящиками с внутренними замками, шкатулка джидового дерева с замком, медные таз и рукомойник. Часть вещей украшали ее гостиную: липовый круглый столик, этажерка со стеклами, медный самовар фабрики Данилова (5 руб.), диван красного дерева с решетчатыми плетенками, гардероб, преддиванный стол на резной тумбе.

У вдовы отставного канцеляриста В. В. Степанова, утонувшего во время купания в Белой в июне 1866 г., ценовщик Чубуков описал имущество на 12 рублей на погашение долга за квартплату (по 3 рубля в месяц): темный ломберный раскладной стол, небольшой стол на тумбе, два угольных столика, клетка. На кровати лежала перина весом в 1 пуд 32 фунта и 5 подушек. В ящиках без замков липового темно-красного комода были сложены полотенца, салфетки браного холста, коленкоровая наволочка. В шкафу со стеклянными дверцами стояли кофейная мельница, 6 чайных чашек, 4 рюмки, 2 банки, 2 стакана, 2 графина, 5 вилок, 2 фарфоровых молочника.

А из описи вещей мещанина Суркова узнаем, что хранил в кухонном шкафу: банки крахмала, черносливу, ««з описи иещенина Суркова: банканина Суркова: банка франи наук в Москве, в 1822 г. бе, туалет красного дерева с зеркалом и премя кофею» французского и цикорного, а также банки «рису», макарон, перловки, лаврового листа.

Управляющий Палатой государственных имуществ подполковник Фабер-Файгель мог позволить себе «гламурный» стиль: столовое и чайное серебро, серебряная «вызолоченная» кружка «под чернядью» (вид краски), бокалы, раковина «люрская», карманные платиновые часы, черешневый чубук (часть курительной трубки), шлифовальный станок из белого стекла. В его кабинете находились конторка, письменный стол, комод березовый, большие бронзовые часы с двумя гирями, канделябры тройные, а также самовар. В шкафу висели шубы медвежья, лисья и енотовая. В сарае стояли городская долгушка (повозка с кузовом), маленький дорожный тарантас.

Нет сведений о стиле жизни инородцев в Уфе 1860-х: поручик Фон Дербрегген, жена иностранца Лейнерт Е. Г., прусские подданные Маттерн Г. Ф. и Гампель, курляндский гражданин Один Христофор, дворянин Де Макс, титулярная советница Маллесан А. и др.

Очерки не опубликованы.

«РОМАНТИЗМ» И «ИСТОРИЗМ» В УФЕ

В архитектуре России с конца XVIII века классицизм начала вытеснять эклектика, которая просуществовала до начала XX века.

Как нужно изучать эклектику? Пока не создали общепринятых методик и классификаций ее терминов, стилевых ее направлений. Идет спор между специалистами. Так одни историки эклектику стали называть «историзмом», а другие продолжают величать эклектикой. Также есть и разные варианты названий ее периодов. Например, московский историк архитектуры академик Е. И. Кириченко выделяла четыре периода эклектики: 1800—1810 гг – зарождение эклектики; конец 1820—1840 – «романтизм» или зрелость романтической фазы эклектики; 1850—1860 – угасание эклектики и развитие архитектуры историзма; 1870—1890 – полное развитие «историзма».

Также она говорила, что можно эклектику условно поделить на два периода – романтизм (1800—1850 гг.) и историзм (1850—1910 гг.). Период (1800—1840) Кириченко назвала «романтизмом», так как он стремился создать всенародную культуру. Он олицетворял мечту о равенстве всех сословий общества, о социальной миссии искусства как орудия духовного преобразования личности и общества.

Часть историков периоды эклектики называет по именам монархов, благодаря которым она процветала; периоды их правления совпадают: «николаевский», «александровский», «Николая Второго».

В развитии эклектики России можно увидеть закономерности. Так Кириченко утверждала, что эклектика делится на «академическую» (с элементами классицизма) и «неакадемическую» (без элементов классицизма). Другие специалисты считают, что лучше сказать – на «западную» и «национальную».

Некоторые искусствоведы увидели ещё одну закономерность: за все время своего существования эклектика три раза видоизменялась, что было связано со сменой методов использования исторических стилей: копирование, стилизация, трансформация. Поэтому предложили эклектику рассматривать как раннюю (копирование), зрелую (стилизация), позднюю (трансформация, модернизация).

Так сколько же этих делений у эклектики да и сколько у нее стилевых направлений?

Идут споры, будут продолжаться ещё долго. В этой обзорной статье я не касаюсь тонкостей стилеобразования и не даю подробный историко-архитектурный анализ зданий, а делаю попытку применить методику Евгении Кириченко, чтобы дать характеристику уфимской эклектике.

Был ли в Уфе «романтизм» (первая стадия эклектики)?

XIX век – это период в развитии мировой архитектуры, когда в каждой стране стремились создать свой национальный стиль. Московский историк Евгения Ивановна Кириченко это стилевое направление эклектики России назвала **«национальным романтизмом»**. А некоторые предлагают называть «традиционной русской линией». Другая линия эклектики пошла в сторону подражания зарубежной архитектуре, у которой свои стилевые направления: «восточное» – мавританское, китайское и др; «европейское» – неоклассицизм, неоготика, неоренессанс и др.

Сделаю небольшой экскурс. Итак, почти весь XIX век шел поиск «национального» стиля в отечественной культуре. В архитектуре он выразился в создании нескольких новых стилевых направлений. А именно, в 1830 гг. родилось в рамках эклектики стилевое направление «тоновское» или «русско-византийское». Столичный архитектор К. Тон по поручению царя

составлял «образцовые» проекты зданий. Монарх хотел, чтобы в них соединились русский классицизм и архитектура допетровского времени. Проще говоря, оттуда заимствовали компоненты боярских палат, теремов, церквей с маковками, луковичными куполами, шатрами, закомарами, крыльцами и пр. Затем, в 1840 гг., появилось в рамках эклектики еще одно стилевое направление – «византийское»: из византийской архитектуры перенимали шлемовидные купола, рустовку на фасадах и пр.

Правительство старалось держать архитектуру под своим контролем, поэтому стилевые направления «тоновское» и «византийское» современные историки отнесли к «официальной» линии, так как в 1840-х в противовес ему возникла еще и «неофициальная» – неофициальный русский стиль. Ее ревнители – общественники призывали использовать средневековое зодчество России. В 1850-1860-х гг. родилась, а в 1870-90-х гг. сформировалась «археологическая» линия «русского» стиля (демократический вариант русского стиля). А архитекторы разделились на «археологов» и «почвенников». Первые реанимировали исчезнувшие церкви по архивным чертежам, по рисункам разрушавшихся храмов, точно копировали собранные образцы. «Почвенники» предпочитали их варьировать. В 80-90-е годы активизируется официально-академическое направление русского стиля – «псевдорусское», но теперь уже не с элементами классицизма и византийскими, а с элементами помпезной архитектуры Возрождения и русского зодчества петровского времени.

Итак, после этого экскурса вернемся к «романтизму» (первая стадия эклектики). Был ли он в Уфе?

Кириченко предупредила: «Сибирь, Дальний Восток, Урал практически не знали романтизма. Архитектура, выразившая его идеалы, во многом оставалась еще плодом культуры основного образованного класса – дворянства, которое практически отсутствовало в этих регионах».

Кириченко подчеркивает, что «романтизм представлен немногочисленными культовыми сооружениями не только в архитектуре названных регионов, но и в большинстве провинциальных городов Европейской России, даже губернских, в отличие от историзма, который получает повсеместное распространение на огромной территории России».

По Е. И. Кириченко, «романтизм» не оставил такого большого следа и потому, что в стране классицизм еще занимал ведущие позиции. Это означает, что все казенные постройки продолжали создавать классическими, а «романтизму» пришлось пробивать себе дорогу там, где не было правительственной регламентации. Такими были частные усадьбы, интерьеры, дачные поселки, курорты, публичные парки и другие неадминистративные постройки (клубы, театры, музеи, др.).

Итак, попробуем с помощью выводов Кириченко рассмотреть архитектуру Уфы XIX в.. Какой след «романтизм» (1800—1850) оставил в архитектуре Уфы?

Во времена «романтизма» главные административные сооружения Уфы продолжали строить в изжившем себя к тому времени стиле «классицизм». Почти все они были сосредоточены на Соборной площади (ул. Валиди, Советская, Карла Маркса) или близ нее: мужская гимназия, присутственные места, удельная контора, училище и др. В жилых кварталах господствовал «деревянный классицизм». В стиле «классицизм» были и храмы: Сборная мечеть, кафедральный собор, церкви Александровская, Покровская, Спасская.

Только в 1840-50-е годы появились в духе «романтизма» церковь Ильинская (1840-е, снесена в 1931, ул. Валиди) и Александровская на ул. Сочинской. На мой взгляд, выполнены были в «тоновском» стиле, он относится к линии «официальной» (под контролем царя). Сомову Ильинская понравилась.

За проектированием частных храмов не было правительственного контроля, поэтому они могли быть эклектичными, то есть в духе «романтизма». Но в Уфе не было частных храмов. Однако на Ивановском кладбище (не сохр., ул. Революционная) в 1845 году появляется при-

ходской храм в духе «романтизма» по линии «неофициальной» (не под контролем правительства). Это был новый тип храма-памятника. В 1864 году краевед Сомов пишет: «каменная церковь во имя усекновения главы Иоанна Предтечи, устроенная по фасаду Казанского памятника, воздвигнутого в память убитых при взятии Казани в 1552 году. Она имеет вид четырёхсторонней пирамиды». Добавлю, что аналогичные этому казанскому памятнику сооружения, но в уменьшенном масштабе, были построены в разных городах. Их фасады копировали с образца, у которого был автор столичный архитектор Н. Алферов.

Проник ли «романтизм» в архитектуру уфимских общественных зданий?

В крупных городах центра страны в период «романтизма» (1800—1850) появились такие новые типы зданий как пассажи, вокзалы. Но в Уфе их возвели только в конце века.

А был ли «романтизм» на фасадах частных домов уфимцев?

По Кириченко, в эпоху романтизма приемы и формы «народной» (фольклорной) линии (1800—1850) архитектуры получили распространение по стране только в загородных домах знати, а также в парковых павильонах, беседках, кофейных и чайных домиках, временных построек, соорудившихся в дни народных гуляний.

Скорее всего, в Уфу «романтизм» своевременно мог проникнуть как раз в виде этих самых беседок, павильонов для парков и в загородных имениях. К сожалению, о них у нас нет сведений, и, как указывает Сомов, к 1860-м гг. загородные дома знати были разрушены: «на возвышенности, с которой открывается обширный горизонт, устроен был одним из губернаторов – Балкашиным – загородный дом, в роде итальянской виллы с отдельным павильоном, прекрасными цветниками и оранжереями».

Стиль этой усадьбы был явно «неороманский» («западное» направление) – с арками, колоннами, ротондами, круглыми башенками. Это дворянское гнездо находилось у Висячего камня (Горсовет). А на даче Жуковского, которую тоже упоминает Сомов, могли вполне быть и беседки, и чайные домики в «народном» стилевом направлении, а именно: «За Софроновою горою, господствующею над рекой Белой, в 1833 году бывшим гражданским губернатором Жуковским построен был летний дом.»

Уфимский «историзм».

Как уже было сказано, мы не знаем точно, как выглядел уфимский «романтизм», так как не имеем изображений уфимских построек до 1880-х гг. и располагаем только приблизительными сведениями о датах построек немногих домов. Это привело к тому, что не можем ответить на вопрос: в каком году проникла в Уфу эклектика, а, значит, «романтизм» (первая стадия эклектики) и «историзм» (вторая стадия эклектики). Пока самыми ранними постройками времен уфимской эклектики – «романтизма» и «историзма» – считаются здания Дворянского собрания (Ленина, 14, 1852 г.), Ильибанканской церкви (ул. Валиди (Фрунзе) и Александровской на ул. Сочинской, Иоанно-Предтеченская (1840-1850-е гг.) – их изображения есть, начиная с 1880-х гг.; нет изображений названных загородных дач губернаторов Жуковского и Балкашина.

Можно сделать предварительный вывод, что эклектика с ее стадиями – «романтизм» (1800—1850) и «историзм» (1850—1910) – пришла в Уфу с опозданием от крупных городов центра страны. Хотя нам и мало, что известно об уфимском «романтизме», но вполне очевидно, что он был представлен скромнее «историзма».

Уфимский «историзм» (вторая стадия эклектики) захватил всё строительство центра города и периферии, но не отличался от крупных городов разнообразием своих стилевых направлений. Хотя в Уфе и представлены все имевшиеся его линии «зарубежная» и «традиционная русская», но в Уфе были не все их ветви. Например, в Уфе из «зарубежной» линии «западная» представлена в большем количестве построек, а «восточная» – в элементах

некоторых мечетей и орнаментах декора некоторых домов. Из всех западных стилей уфимцы выбрали неоренессанс, неоклассицизм, а из западных орнаментов декора – барочный, ампирный, модерн.

Также в Уфе при «историзме» (вторая стадия эклектики) ветви «западной» уступала по количеству построек «традиционная русская» линия. Какие стилевые направления последняя имела при историзме в Уфе?

Как говорит Е. И. Кириченко, при романтизме (1800—1850) в основном в частных постройках страны отмечается «народное» стилевое направление, а стилевые течения – «русский» стиль, ропетовский, псевдорусский, неорусский – распространяются при «историзме» (1850—1910) ещё и на фасадах общественных зданий (административные, лечебные, учебные); принадлежали и казне, и обществам, и частным лицам. Так мы видим, и в Уфе детали «русского» стиля читаются на общественных зданиях: городской думы (1897 г., ул. Ленина, 7), ропетовского – на Летнем театре (снесен, ул. Пушкина) и др.

Надо пояснить, что со мнением Кириченко по «русскому» стилю не совсем соглашается часть исследователей. Они решили называть «русским» стилем только несколько возникших в 1850-1910-е гг. стилевых течений: «народное» (фольклорное, ропетовское); псевдорусское; неорусское. Причем, «народное» не нужно путать с народной (непрофессиональной) архитектурой. А другая часть историков выделяет три основных этапа развития «русского» стиля: русско-византийский (1830—1850-е годы), непосредственно русский (вторая половина XIX века) и неорусский (конец XIX – начало XX века). Кто прав?...

Можно утверждать, что обнаружены в Уфе все выше перечисленные направления «русского» стиля, кроме неорусского. А именно, было два-три здания в «ропетовском»; две церкви и две часовни – в «псевдорусском» (официальном), а «народном» (неофициальном) – в одной церкви и его элементы использованы в шести церквях и в часовне. Подробнее о них будет сказано ниже.

Таким образом, в большей части храмов, зданий общественных и жилых эта «народная» линия встречается только в орнаменте декора в виде отдельных элементов и всегда в сочетании с элементами от зарубежных стилей – барокко, ренессанс, классицизм, а также орнаментов ампира, барочного, восточного, к примеру: усадьбы Разумова по Коммунистической, 160 и Гурылева по Гоголя, 22, 22/1; усадьбы по Гоголя 48, 50, 52 и др. Дом Лаптева на улице Гоголя, 27 – это неоренессанс, но его крыльцо можно отнести и к «русскому» стилю.

Повторю, в 1858 г. царь отменил обязательное строительство по образцовым проектам в стиле «классицизм». До 1870-х гг. делали для декора фасадов резные орнаменты на мотивы стилей барокко, позднего классицизма, а начиная с 1870 года – народного зодчества.

Поясню выше сказанное. В стране для «народной» линии образцами служили простые деревенские церквушки, избы с деревянной резьбой. В Уфе эта линия была представлена и в дереве, и в камне, и в некоторых церквях, и некоторых домах. Когда я вспоминаю миниатюрную деревянную Всехсвятскую церковь (1890 г., не сохр., за Домом правительства республики), то думаю, что она могла родиться как прототип древних исчезнувших церквей, чертежи которых извлекали из архивов «археологи» – ревнители этого «археологического» стилевого направления. А, может быть, руины успели срисовать с натуры во время экспедиционных походов по глубинкам страны. Этим занимались в эпоху историзма (эклектика) с 1850-70-х гг. последователи так называемых «археологического» и «почвеннического» направлений.

Элементы «народной» линии и «деревянного классицизма» имеет храм Сергиевский (сохр., 1868 год, ул. Менделеева). В церкви Крестовоздвиженской есть элементы всех направлений «традиционной русской» линии, но только нет «неорусского».

«Ропетовский» стиль – это не просто копирование древних избышек и церквей, а копирование с изменением масштаба некоторых частей конструкций, декора и пр. В Уфе примерами «ропетовского» является деревянный Летний театр купца Видинеева (1894 г., не сохр.,

ул. Пушкина) и загородные деревянные дачи купца Костерина (у южного автовокзала) и купца Зайкова в районе трамплина. В доме Петунина (снесен в 1950-е, у Монумента Дружбы) наблюдались и элементы «ропетовские», и «европейские».

Во второй половине XIX века, царь руководил созданием немного иного стиля, именованного «псевдорусским», иначе «официальная линия „русского“ стиля». Здесь использовали формы храмов и дворцов «петровского» зодчества. Они отличаются нарядностью, узорчатостью, то есть обилием мелких деталей декора. «Псевдорусский» появился в облике церквей, которые были посвящены правящим особам. Так «псевдорусский» был выбран уфимцами для Александровской часовни (1889 г., не сохр.), что стояла перед Гостиным двором. Она поставлена в память об умершем императоре Александре II. По данным краеведа А. Л. Чечухи, ее автором являлся Александр Иванович Семёнов (1857/6 – 1909 гг.), занимался пропагандой этой царской архитектуры на должности архитектора при государственном строительном комитете.

Исполнены в «псевдорусском» стиле фасады следующих храмов: маленькой часовенки Никольской-на-крови; ее возвели на средства горожан в начале XX в. за кафедральным собором в центре Уфы на месте убийства губернатора Н. Богдановича; Иверская церковь в монастыре (1890-е гг., ул. Сочинская); Никольский привокзальный храм (1902).

Элементы европейской архитектуры и «русского» стиля отмечаются в Никольской часовне (не сохр.) на ул. Пушкина и в Никольском храме (не сохр., построена в 1882 г.) на той же улице.

Почему-то не было в Уфе храмов в формах «неорусского» или «русского модерна». Узнать его можно по измененным пропорциям фасадов, кровли и т. п. Например, церковный луковичный купол слишком вытянут или сплюснен, стены скошены и т. п. Можно сегодня видеть его лучшие, хрестоматийные, образцы на усадьбе Мамонтова в подмосковном Абрамцево, в часовнях-усыпальницах городов мертвых и пр.

Не было в Уфе храмов, которые находились во владении частных лиц. Именно их создатели чаще решались на новаторство «неорусского» стиля.

Запрет на выбор архитектуры не существовал и для приходских церквей. Ее могли обсуждать на приходском совете. Тем не менее, утрированные, трансформированные формы (метод модерна) «неорусского» стиля среди приходских храмов встречались в стране гораздо реже.

В Уфе хоть и не имела отношения к «русскому модерну» Семионовская церковь (сегодня перестроена, ул. Беякова), но необычно выглядела ее купольная часть.

Итак, исходя из сказанного, при историзме (эkleктика) в Уфе «традиционная русская» линия («русский» стиль) эkleктики уступала по числу построек другой ее линии, которая шла в сторону подражания зарубежной архитектуре: (1850—1910): Дворянское собрание (1852 г., ул. Ленина, 14), Уголовный и гражданский суд (1850 гг., ул. Матросова, 1) – неоклассицизм; красно-кирпичный дом по Чернышевского, 75, в декоре которого то ли что-то от готики, то ли от ренессанса; деревянный дом Пискуновых по Гоголя, 21/2; каменные гостиницы по ул. Карла Маркса, 20, 22; ряд зданий, которые в одном из моих очерков я отнесла к неоренессансу – баня Вахмянина по Чернышевского, 121, дома по Гоголя 45, 53, 55 и др. (Смотрите ниже очерк «Кирпичный ренессанс»).

Историк архитектуры Е. И. Кириченко выделила ещё один процесс в архитектуре страны: «городская архитектура демонстрирует еще один аспект превращения массового и некогда второстепенного в главное и определяющее. Она эволюционирует в сторону распространения приемов обывательской жилой застройки на уникальные сооружения, чему сопутствует противоположный по направленности, но родственный по смыслу процесс превращения некогда уникального в массовое и общедоступное».

К примеру, при «романтизме» и «историзме» не боялись жилые дома приспособлять для государственных учреждений, так как их фасадам не требовалась помпезность, солидность для утверждения авторитета власти. Так во второй половине XIX века и в Уфе у частных лиц купили кирпичные дома для Земской больницы (сегодня завод Уфимкабель, ул. Цюрупы и Валиди) и народного училища (ул. Цюрупы и Пушкина), а также арендовали частные дома для разных ведомственных контор и офисов. Раньше для резиденции губернатора необходимо было отвести самое видное сооружение города, а в 1859 году совсем не дворцового вида дом госпожи Жуковской на углу Соборной площади вполне подошел для начальника нашего края. Также магистрат переехал в дом господ Дебу на Верхне-Торговой площади.

Таково было время двух стадий уфимской эклектики – «романтизма» и «историзма».

Очерк не опубликован.

ЭКЛЕКТИКА С ПРОБЛЕМАМИ

Большая часть имен авторов и заказчиков уфимских строений, относящиеся к эпохе эклектики XIX – нач. XX вв., остается в забвении. Понятен интерес к этим авторам, но зачем нам нужно иметь сведения о заказчиках, то есть тех, кто тратил свои накопления на воплощение архитектурных идей?

Поясню, эклектику называют «архитектурой выбора», так как ее рождение было вызвано с известной демократизацией общества, а, следовательно, и архитектурного процесса. По этому поводу говорят, что изменились роли заказчика и архитектора в проектировании зданий. А именно, теперь у них появились равные права, они могли спорить. Раньше архитектор находился только в подчиненном положении. К примеру, если русским царям нравился классицизм, то даже знать в угоду монархам заказывала проекты своих дворцов в этом стиле. Для всех остальных подданных в обязательном порядке до 1858 г. предлагались на выбор «образцовые» чертежи фасадов в стиле «классицизм», утвержденные государем.

Таким образом, если мы хотим установить авторство здания времен эклектики, то должны рядом поставить имена архитектора и заказчика его строительства, то есть во имя торжества справедливости признать их соавторство.

Историки архитектуры отметили, что дворяне предпочитали те дома в стиле «эклектика», где есть элементы классицизма. Так миллионеры дворяне Базилевские вкладывали средства в создание красивых зданий в Москве и Петербурге. И в Уфе они имели двухэтажный каменный дом на ул. Пушкина, 90. Он был ими куплен или построен? Мы не знаем, но видим на его фасадах эклектику с элементами классицизма. Между прочим, на ней остановил свой выбор и купец Манаев – особняк на ул. Пушкина, 99/1.

Есть еще одна проблема. Так историки архитектуры спорят о следующем: что называть модерном, а что эклектикой с элементами модерна – «стилизаторским модерном» (подражание модерну). Есть исследователи, которые это называют «модернизирующей эклектикой». У меня это вызывает улыбку, но не протест.

А кто-то считает, что нужно вообще отказаться от слова «эклектика» и заменить его на «историзм» и т. п. Кто прав?...

Пока специалисты остановились на том, что дом возведен в стиле «модерн», если имеется какое-то новаторство в архитектурном решении – в конструкциях частей или во внутренней планировке. То есть наличие у дома только декора модерна не означает, что он построен в стиле «модерн». Недаром модерн сравнивают со скульптурой, которую рассматривают со всех сторон и изнутри, а эклектику называют «фасадной» архитектурой. Впрочем, эклектика тоже может иметь названную «скульптурность» и новаторство в планировке комнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.